

Алла Аронова

«Императрица Елизавета Петровна Янусов храм заключила». Абоский триумф: идея и образ торжества

Статья посвящена изучению праздничной сценографии елизаветинского времени. Объектом исследования стал Абоский мир, заключенный Россией в 1743 году с Шведским королевством. Викториальные торжества начальных лет правления Елизаветы Петровны рассматриваются в контексте сложившейся триумфальной традиции первых десятилетий XVIII века. Появление на российском престоле женщины и завершение возведения здания абсолютистской светской власти привели к заметным изменениям в праздничной драматургии и сценографии, сложившейся в эпоху Петра I, что наглядно продемонстрировали все торжества, связанные с победами в русско-шведской войне (1741–1743).

Ключевые слова:

триумф, победа, армия,
триумфальная арка, фейерверк,
Петр I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна,
Абоский мир, Финляндия,
Санкт-Петербург, Москва.

1709–1741 годы: от Азова до Белградского мира

Императрица Елизавета Петровна родилась под сенью Полтавского триумфа (18 декабря 1709 года), возможно, в связи с этим получив непривычное для русских царевен имя Елизавета (др.-евр. Элишеба — «мой бог — клятва»). На следующий день, 19 декабря полки русской армии «вошли в Москву с великим триумфом» [19, с. 24]. (Ил. 1.) Ее детство прошло на фоне продолжавшихся на севере и востоке военных кампаний, побед и триумфальных шествий (Гангутская победа, 27 июля 1714 года; Гренгамская победа, 27 июля 1720 года; Ништадтский мир, 20 августа 1721 года; Дербентская победа, 23 августа 1722 года). (Ил. 2–3.) Причем именно 18 декабря дважды в разные годы становилось днем торжественного входа Петра I в древнюю столицу.

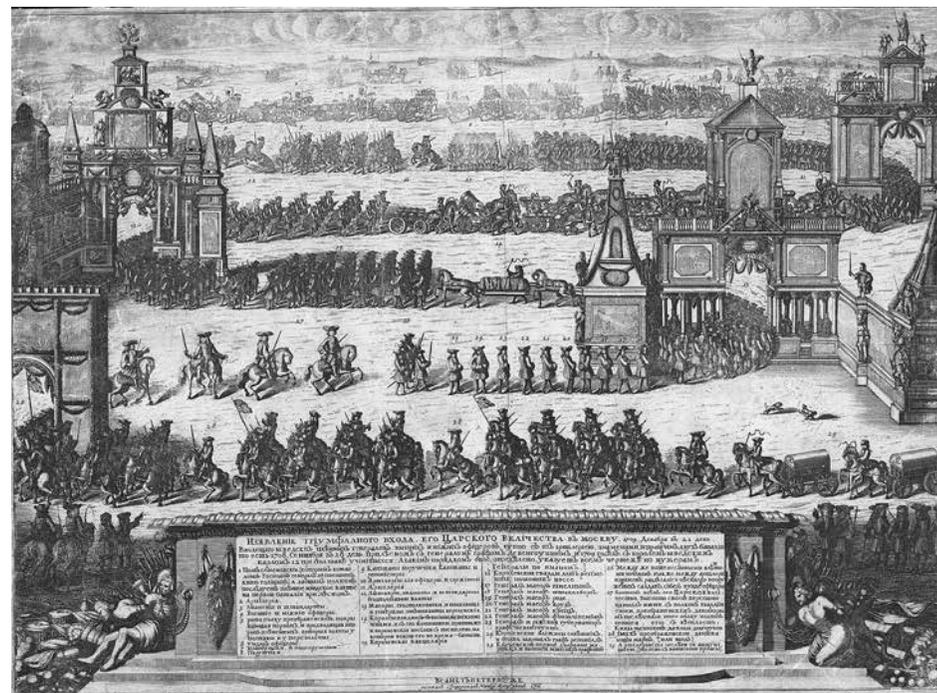
Так было в 1721 году, когда «император имел торжественное вшествие и сам лично вел оба гвардейских полка через устроенные триумфальные врата», готовясь ко второму акту празднования Ништадтского мира, и в 1722 году по случаю Дербентского триумфа: «...часов в двенадцать его величество в следующем порядке приблизился к упомянутым воротам духовенства (Синодальные ворота на Никольской улице. — А. А.): сперва вели несколько верховых лошадей, покрытых превосходными чапраками; потом следовало несколько рот Преображенского полка на лошадях, в новых мундирах, в касках, обвитых цветами, с обнаженными шпагами и при громкой музыке. За ними ехали, верхом же, разные генералы и другие кавалеры, все в великолепнейших костюмах. Затем следовали придворные литаврщики и трубачи, за которыми шел офицер, несший на большом серебряном блюде и красной бархатной подушке серебряный ключ, который был вынесен навстречу его величеству изъяснив тем свою покорность. После того ехал сам государь, верхом, в обыкновенном зеленом, обшитом галунами мундире полковника гвардии, в небольшом черном парике (по причине невыносимых жаров в Персии он принужден был остричь себе волосы) и шляпе, обложенной

галуном, с обнаженною шпагою в руке. Позади его ехало верхом еще довольно много офицеров и кавалеров. Наконец несколько эскадронов драгун заключали процессию. В это время звонили во все колокола, палили из пушек и раздавались радостные восклицания многих тысяч народа и верноподданных» [2, с. 500].

Со вторым актом Ништадтского мирного торжества связано важное событие в жизни будущей русской императрицы, так как 28 января 1722 года, в первый день празднования после банкета в «Триумфальных светлицах» на Царицыном лугу она была объявлена совершеннолетней [2, с. 313; 1, с. 396–397].

В Петровское время, благодаря нескончаемым войнам и многочисленным победам, в русской культуре возник новый феномен – публичное викториальное торжество, предполагавшее строительство триумфальных арок, маркировавших траекторию праздничного шествия в пространстве города. Движение войск сопровождалось поздравлениями городских сословий, для чего вблизи триумфальных сооружений формировались специальные временные площади, где стояли музыканты и ораторы, а также столы с угощением [47, с. 61–83]. Примеры такого «триумфального» пространства – «Храм Чести» у Казанского собора на Никольской и Строгановские ворота у аптеки Д. Гурчина при въезде на Мясницкую улицу со стороны Никольской. (Ил. 4.) Его градостроительные характеристики зафиксированы в двух гравюрах, изображающих Полтавский триумф¹. Еще одним обязательным элементом публичного празднования стал фейерверк, в символической форме воплощавший главную идею торжества. Постоянным участником всех военных триумфов был сам Петр I. Он всегда находился, сообразно своему воинскому рангу, в составе подчиненного ему подразделения, и лишь после 1713 года получил право возглавить шествие².

Скорость происходивших в стране изменений заставляла царя использовать такие сложные культурные конструкции как праздничная

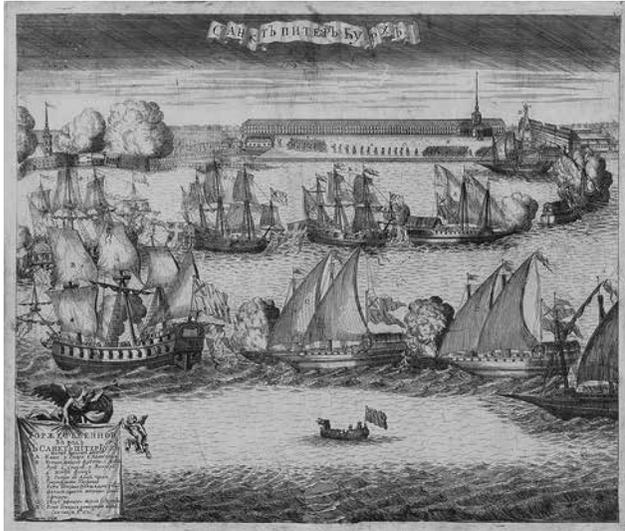
1. Алексей Zubov. Торжественное вступление русских войск в Москву после Полтавской победы 21 декабря 1709 года. Второй вариант. 1711. Офорт, резец. РГАДА

трагедия. Привычный мир средневекового государства, вывернутый наизнанку и низведенный до его противоположного состояния, разрушался, разделяя подданных на «своих» и «чужих» [57, с. 153–157]. К таким экстравагантным явлениям относилась деятельность Всешутейшего собора и другие карнавальные мероприятия петровского времени (шутовские свадьбы и похороны, костюмированные шествия), которые часто совмещались с викториальными праздниками, длившимися по несколько дней [56].

Заинтересованность Петра в устройстве многочисленных городских торжеств, не связанных с церковным календарем, позволяет утверждать, что именно в первой четверти XVIII века в России начала

1 А. Ф. Zubov. Торжественное вступление русских войск в Москву после Полтавской победы 21 декабря 1709 г. Второй вариант. Офорт, резец. 1711; П. Пикар. Торжественное вступление русских войск в Москву после Полтавской победы 21 декабря 1709 г. Офорт, резец. 1711.

2 С 1693 по 1713 год Петр прошел путь от сержанта Преображенского полка до полного генерала (по сухопутной армии), а с 1694 по 1721 год – от шкипера до адмирала (во флоте) [63, с. 482–484].

2. Алексей Зубов. Торжественный ввод в Санкт-Петербург четырех шведских фрегатов после победы при Гренгаме 8 сентября 1720 года. 1720
Офорт, резец. Государственный Эрмитаж

формироваться сфера светской «репрезентативной публичности». Для этого этапа общественной жизни в европейской культуре Нового времени было характерно стремление всесторонне контролировать монархом и его двором публичное пространство [65, pp. 8–9]. Своеобразие петровского периода проявилось в заметном доминировании в праздничных городских «спектаклях» военной фабулы, что несомненно оказалось связано с затянувшимися военными действиями, в которых прошла большая часть правления российского реформатора.

Образность петровского времени носила маскулинный характер, о чем постоянно свидетельствовали образы, украшавшие триумфальные сооружения. Так, триумфальная арка, стоявшая в начале Никольской улицы во время Полтавского триумфа (так называемый Храм Чести), имела в своем убранстве изображения «Российского Геркулеса», «Аполлона Российского», «Российского Марса» и др. [52, с. 174]. Даже для обоснования коронации своей супруги в 1724 году Петром в коро-

3. Алексей Зубов. Вид Васильевского острова и триумфального ввода шведских судов в Петербург после победы при Гангуте 9 сентября 1714 года. 1714
Офорт, резец. Государственный Эрмитаж

национном Манифесте была выбрана воинская маскулинная идея: «И понеже не неведомо есть, что в прошедшей двадцатидесятилетней войне коль тяжкие труды и самой смертной страх отложу собственной Нашей персоне за отечество Наше полагали, что с помощью Божию и окончили <...> Государыня Императрица Екатерина Великою помощницею была, и не точию в сем, но и во многих воинских действиях, отложу немощ женскую, волею с Нами присутствовала, и елико возможно помогала <...> как мужески, а не женски поступала» [14, № 4366]. (Ил. 5.)

После Петра возможность обратиться к мужским образам возникала дважды: во время коронационных торжеств Петра II и при младенце-императоре Иоанне VI Антоновиче. Однако в обоих случаях говорить о военных достижениях, тем более победах, почти невозможно.

Около столетия российской империей правили женщины, что потребовало отредактировать драматургию и сценографию военных праздников. В первой половине века завершились три военные

кампании: две при Анне Иоанновне (война за польское наследство и русско-турецкая война) и одна при Елизавете Петровне (русско-шведская война). Приход на русский трон женщин заставил искать новые формы репрезентации побед. Уже в Аннинскую эпоху викториальные праздники стали приобретать придворно-светский характер. Императрица присутствовала на благодарственных молебнах, сначала в Петропавловском соборе, а потом в новопостроенной церкви Рождества Богоматери на Невской перспективе, устраивала приемы в Летнем саду и Зимнем дворце, регулярно занималась смотром войск на Царицыном лугу. Только многодневное празднование Белградского мира зимой 1740 года включило в свой сценарий такие петровские мероприятия, как парадное войсковое шествие и шутовская свадьба [48, с. 170–209]. Однако парад войск проходил без участия императрицы (даже в роли зрителя) и под двумя коронационными арками (Аничковыми и Адмиралтейскими)³ на Невской перспективе, не получившими никакого переоформления. А грандиозная «дурацкая свадьба» с карнавальным шествием, плясками и ночеванием новобрачных в Ледяном дворце, в отличие от ее аналогов в первой четверти века, не предполагала участия в качестве действующих лиц правительницы и двора. Она была устроена как необычное экзотическое костюмированное зрелище, являющее собой могущество российской императрицы и величие ее владений. Никаких признаков «антиповедения» в этом придворном «спектакле» не было. Также стоит обратить внимание на утрату интереса к мероприятиям на воде (все церемониальные передвижения по Петербургу в 1730-е годы локализовались на Адмиралтейской стороне) и исключение Москвы из праздничных пространств.

Десятилетнее правление Анны Иоанновны внесло необходимые коррективы в сценарий военного празднования. Сама императрица устранилась из сферы активного участия в торжествах, оставив себе семантическую роль главной фигуры события. Об этом говорили триумфальные арки, теперь не требовавшие переоформления, много-

3 К торжественному возвращению императрицы Анны Иоанновны в Петербург 16 января 1732 года по проекту Д. Трезини и под надзором И. Коробова и М. Земцова построили три триумфальные арки: Аничковскую, Адмиралтейскую и Троицкую. Две стояли на Невской перспективе, третья на Троицкой площади. Последняя арка оказалась невостребованной, так как шествие императрицы закончилось у «Адмиралтейского дома» (бывший дом Ф. Апраксина) на Дворцовой набережной, превращенной в Зимний дворец [62, с. 58–59; 55, с. 259].

4. Неизвестный художник. Врата триумфальные строены трудами школьных учителей. 1710
Офорт, резец. Государственный Эрмитаж

численные иллюминации, прославлявшие русскую Минерву, оды, воспевавшие ее храбрость и мудрость.

*Провождай сей год, все и прочи лета,
Будучи красой так, как ныне, света,
Для того что ты помощь христианска.
Уж падет тобой Порта Оттоманска,
А коль храбро ту, Анна, побеждаешь,
Монархиня, то и сама ты знаешь.
Так тебе не льстим, тя как прославляем,
Что с тобой самой мы все обще знаем [7, с. 50].*

5. Адриан Схоонебек. *Взятие Нотебурга* 1703. Офорт, резец. Государственный Эрмитаж
Фрагмент: Марс и Минерва

Элементы петровской сценографии: военное шествие и шутовская свадьба, сохраненные в композиции военного праздника, в силу отсутствия в них самой императрицы как активного действующего лица (она и двор смотрели на эти мизансцены из окон Зимнего дворца) превратились в объекты заполнения публичного «репрезентативного поля», конфигурация которого обрела центр. Эту роль в 1730-е годы стал выполнять императорский дворец (Зимний или Летний)⁴, тогда как в эпоху Петра, его участие, подобное Творцу, — это «поле» формировало.

Весьма показательное указанное изменение подмечено Я. П. Шаховским, непосредственным участником шествия полков 27 января 1740 года: «...как уже мир с Турками был заключен, оныя роты, обще пехотной гвардии с баталионами, прибыв с винтер квартир из Малороссии к Петербургу, по Высочайшему Имянному повелению с приколонными на шляпах лаврого дерева ветвями, мимо дворца, где Ея Величество смотреть изволили со всеми знатнейшими, по улицам до своих квартир торжественный вход имели» [43, с. 15].

1741 год: РУССКОЙ-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА — ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Правление Елизаветы Петровны началось во время новой военной кампании, исход которой пришелся на короткое царствование младенца Иоанна Антоновича. 24 июля шведская корона, надеясь вернуть потерянные по Ништадтскому миру территории, объявила войну России. 13 августа правительством Анны Леопольдовны был подписан Манифест о начале военных действий, о чем на следующий день сообщали в городе барабанным боем [5, с. 310]. Уже 24 августа пришло известие

4 Одним из показателей изменившейся роли императорского дворца можно считать увеличение его размеров. В петровское время переход от бюргерской (голландской) к аристократической репрезентативной модели дворца начался в 1715 году, когда Петр принял решение о строительстве «нового зимнего дома», однако это не привело к изменению пространственной концепции праздников. Они продолжали равнозначно использовать существующие улицы и площади города [60, с. 162–163]. Аннинское время отмечено не только изменением местоположения как Зимнего, так и Летнего дворца в пространстве города и увеличением их размеров, но и существенным усложнением внутреннего и внешнего убранства зданий, а также иной градостроительной ситуацией. Зимний дворец Анны Иоанновны получил курдонер и «развернулся» к Адмиралтейской части Петербурга, тогда как новый Зимний дворец Петра «смотрел» на Неву и Петропавловскую крепость с Дворцовой набережной. Летний дворец императрицы «встал» на композиционную ось первого Летнего сада, подчинив себе его пространство, а Летний дворец Петра, напротив, в саду «растворился» [49, с. 77; 59, с. 105–111, 125].

о первой победе — завоевании города Вильманстранда⁵, о чем жителей Петербурга оповестила пушечная пальба с Петропавловской и Адмиралтейской крепостей. 25 августа правительница-регент Анна Леопольдовна отправилась в придворную церковь, а ее супруг, герцог Антон Ульрих, в Петропавловский собор на благодарственный молебен, после чего опять звучал салют с крепостей и во дворце «как Ея Императорское Высочество Государыню Великую Княгиню, так и Его императорское Высочество Герцога Генералиссимуса сею славною победою поздравляли» [26, с. 550–551]. Надо отметить, что в этом единственном викториальном эпизоде короткого правления императора-младенца Иоанна VI Антоновича вновь возник Петропавловский собор, потерявший свою актуальность при Анне Иоанновне, и зазвучала забытая маскулинная тема. М. В. Ломоносов написал оду «Первые трофеи его величества Иоанна III, Императора и самодержца всероссийского...»:

*Отца отечества отец
Вручил кому небес творец
Храбрейшу в свете силу править.
Твоих премного сколь похвал,
Сам наш завистлив враг познал,
Не может сам тебя не славить.
В бою российской всяк солдат,
Лишь только б для Иоанна было,
Твоей для славы лишь бы слыло,
Желает смерть снести стократ.
Прекрепкий боже, сильный царь,
Что всю рукою держишь тварь,
Зришь, что враги встают напрасно,
Жезлом карай их мести сам.
Подай всегда победы нам,
Твое что имя славим гласно.
Не хочут если брань пресечь,
Подай, чтоб так же в них вонзился
И новой кровью их багрился
Нагретый в ней Иоаннов меч [12, с. 81].*

5 23 августа Вильманstrand был взят штурмом войском генерала фельдмаршала П. Лесси.

В день тезоименитства Иоанна Антоновича (29 августа) в Светлую галерею Зимнего дворца⁶ внесли 13 пар шведских значков и 4 знамени, привезенные с поля боя [40, с. 261].

Начало правления дочери Петра было отмечено стремлением поступать подобно матери «как мужески, а не женски». Ночью 25 ноября она ехала в кирасе поверх платья к Зимнему дворцу «в большой линейке с благонадежнейшими ей <...> сквозь гвардии солдат стоящих до большого дворца шеренгами, в сопровождении немалого числа Преображенского полку гренадер» [43, с. 53]. Императрица учредила из гренадеров этого полка Лейб-компанию, объявила себя их капитаном и распорядилась поселить в домах рядом с Зимним дворцом [21, № 8491; 54, с. 1–2]. Английский посол Эд. Финч писал в своей депеше от 19 декабря: «Она (Елизавета Петровна. — А. А.) заказала себе гренадерскую шапку и мундирную амазонку и станет во главе лейб-компанейцев, как только обмундировка будет закончена» [40, с. 376]. Эти приготовления предполагали ее участие в церемонии Водосвятия 6 января 1742 года, но не готовые мундиры компанейцев расстроили планы императрицы, и она проехала вдоль войск в карете, как это делали ее предшественницы — Екатерина I и Анна Иоанновна.

«Ведомости» сообщали, что 18 февраля Елизавета Петровна на Неве против Зимнего дворца проинспектировала войска под командованием генерала П. Лесси, вернувшиеся с победой из Финляндии и готовящиеся к новой кампании [27, с. 125–126]. Таким образом, императрица, с одной стороны, использовала опыт Анны Иоанновны, постоянно участвовавшей в войсковых смотрах [48, с. 98–114], а с другой продолжила военную кампанию, видя в успешной новой войне со шведами свой долг перед великим отцом⁷. Как написал А. П. Сумароков:

*Взгляни в концы твоей державы,
Царица полуночных стран,
Весь Север чтит твои уставы
До мест, что кончит океан,*

6 Светлая галерея по размерам и значимости была вторым после Тронного зала помещением Зимнего дворца, она входила в анфиладу парадных апартаментов в центральной части дворца и располагалась на композиционной оси здания.

7 В петербургских политических кругах обсуждался вопрос о мирном договоре, но, как отметил Эд. Финч, «несмотря на обещание мира, русские готовятся к войне» [40, с. 440].

До края областей безвестных,
Исполнен радостей всеместных,
Что ты Петров воздвигла прах,
Дела его возобновила
И дух его в себе вместила,
Являя свету прежний страх [18, с. 59].

В первом фейерверке, устроенном в честь дня рождения императрицы 18 декабря 1741 года, ее образ соотносился с воинскими атрибутами и предстал в центре пространства огненного спектакля в виде ее монограммы на воинском щите. Этот щит аллегория Добродетели («любовь к отечеству») передавала в руки богини Астреи («правосудие Божия промысла»), венчавшей его императорской короной. В «Изъяснение» к фейерверку авторы (Х. Гольбах и Я. Штелин) сообщали: «...а самое окружение всего под фейерверк занятого места, которое серебрянной крепости подобной вид имеет, знаменует твердое упование, постоянное великодушие и все милостливейшее защищение, которое мы от ея императорскаго величества самодержавной власти и милосердия против всех нападений несомненно надеяться можем» [61, с. 225]. На втором плане фейерверка стояла иллюминация в виде архитектурной декорации с символами войны — «преизрядные пьедесталы со стоящими на них трофеями, из неприятельских штандартов, знамен и прочих воинских вещей» и мира — наук, художеств и торговли [61, с. 226]. Из этого следует, что первыми публичными шагами Елизаветы Петровны было стремление предъяснить подданным образ новой правительницы, способной защитить империю, победить в войне и принести стране мир и благоденствие. (Ил. 6.)

1742 год: коронация и русско-шведская война

Первый год елизаветинского правления начался еще одним публичным заявлением — новогодним фейерверком на Неве. Автором его программы также был Я. Штелин и, хотя в своих записках он писал, что «впервые сочинил для представления фейерверка по-настоящему большой план» [13, с. 299], композиция новогоднего фейерверка повторяла предыдущий (18 декабря 1741 г.). В центре его переднего плана теперь была представлена Россия, проходящая через храм Януса в храм Благополучия и обращающая к «государыне императрице содержа-

щиеся в надписи слова: *has discere*, то есть — сей следую» [61, с. 226]. Образ храма Благополучия среди «зеленого леса» под монограммой императрицы и в окружении аллегорий «свойств» императрицы (мудрости, милости, храбрости и любви к отечеству) возникал еще раз на втором плане фейерверка, обозначая главную цель наступающего царствования дочери Петра I. Новая императрица была готова продолжить войну и в ней победить, во имя благополучия своей державы. (Ил. 7)

Большую часть 1742 года Елизавета Петровна провела в Москве, куда торжественно въехала 29 февраля. Торжественный путь через весь зимний столичный город до яузской резиденции (по Тверской, Никольской, Мясницкой, Новой Басманной и Большой Немецкой улице) зеленел еловыми деревьями⁸ и был подобен парковой аллее с четырьмя триумфальными арками (на Тверской в Земляном городе, Никольской у Казанского собора, Мясницкой в Земляном городе, на Яузском мосту у подъезда к Головинскому дворцу)⁹. Посетив Кремль, императрица

-
- 8 Использование декоративных деревьев на улицах также восходит к петровским временам. Так, во время триумфального шествия по Никольской в 1703 году у Печатного двора на воротах был установлен позолоченный двуглавый орел, а по сторонам «между насаженными древами обито было зеленым сукном» [4, с. 374].
- 9 Шествие по Тверской впервые было артикулировано триумфальной аркой Петром I в связи с празднованием Ништадтского мира, так как император въезжал в город из Петербурга. Однако, по некоторым свидетельствам, движение войск по Тверской уже осуществлялось после закладки Петербурга, начиная с 1703 года, в тех случаях, когда война шла на Балтике. Так было в 1703–1705 годах [4, с. 372, 491]. По Никольской и Мясницкой, направляясь в Преображенское и Лефортово, войска проходили регулярно, начиная с Азовского триумфа. У Казанского собора на Никольской арка впервые появилась в 1702 году (взятие Нотебурга) и всегда возобновлялась в петровское время; на Мясницкой в Земляном городе — впервые была возведена либо в 1702 году (взятие Нотебурга), либо в 1704 году (взятие Нарвы, Ивангорода и Дерпта). Она не упоминается в документах в связи с Ништадтским миром, но зафиксирована и в 1722 году (взятие Дербента), и в 1723 году (коронация Екатерины I) [55, с. 253–266; 62, с. 33–41]. Начиная с коронации Петра II, путь от Тверских ворот Земляного города до Кремля закрепился в пространстве Москвы как маршрут коронационного въезда (здесь стояли три арки: перед воротами Земляного, на месте ворот Белого города и приставленные к воротам Китай-города). Это было связано с обязательным посещением во время въезда кремлевских соборов. Для аннинского коронационного въезда использовали поновленные арки Петра II. К елизаветинскому въезду 1742 года артикуляция торжественного въезда изменилась: сохранилась только арка у Земляного города на Тверской, были возвращены две петровские — у Казанского собора на Никольской и на Мясницкой в Земляном городе, добавили новую на Яузском мосту перед дворцом императрицы. Последние три можно рассматривать как стремление вернуться к историческому артефактам, связанным с великим отцом, и желание усилить семантическое значение императорской резиденции, расположенной за пределами города. Вместе с тем трижды — в 1721, 1723, 1730 годах — на пути в Головинский дворец на Большой Немецкой улице арки строили голштинский герцог Карл Фридрих и испанский посол дюк де Лириа [62, с. 41–49].

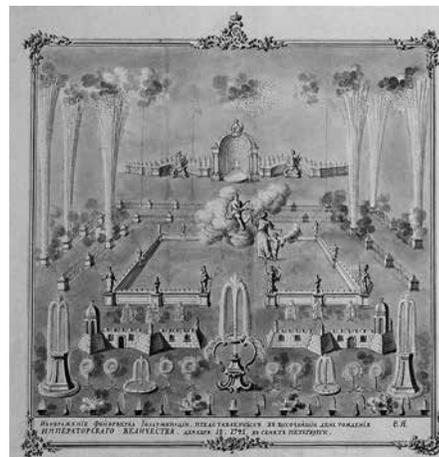
поселилась в Головинском дворце [28, с. 157–159], тронный зал которого уже с 7 марта украшали полковые штандарты конного отряда лейб-гвардии¹⁰. В то время, когда в Москве готовились к коронации, в Петербурге шли сборы новой военной кампании¹¹, и в конце марта — апреле войска стали выдвигаться к Выборгу [29, с. 230].

Коронация Елизаветы Петровны поразила всех не только небывалой роскошью и продолжительностью, но и целым рядом нововведений, некоторые из которых интересны в контексте викториальной темы. В перечне императорских инсигний появились государственные знамя (панир), меч и печать; в Успенском соборе, подобно европейским монархам, Елизавета Петровна, первой из русских правителей, исполнила обряд самокоронования, лично возложив на себя корону и мантию. В кортеже императрицы впервые была представлена вся империя: военные, депутаты от провинций и купечества, представители всех государственных структур двигались в первой части процессии. Вслед за представителями государства несли инсигнии, главной из которых был панир в руках генерал-аншефа и кавалера ордена Александра Невского М. Я. Волкова (его сопровождали два полковника), второй — печать, третьей — государственный меч (его держал острием вверх генерал-аншеф и кавалер ордена Александра Невского С. Г. Нарышкин) [17, с. 44]. Вторая часть процессии (за императрицей) состояла из военных (генералитет), «знатного российского шляхетства» и купечества. Стоявшие вдоль пути шествия на Соборной и Ивановской площадях полки держали ружья «на караул» и уклоняли знамена, звучали полковая музыка и барабанный бой [17, с. 49]. (Ил. 8.)

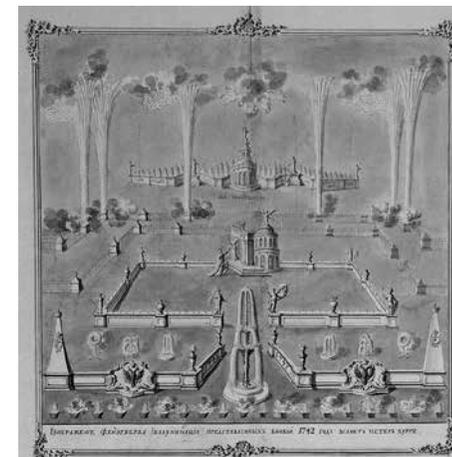
По завершении всех ритуалов в соборе кортеж Елизаветы Петровны (она была в полном императорском облачении) «во всем прежнем порядке» вышел из северных дверей и по Ивановской площади обошел колокольню Иван Великий под аккомпанемент оружейного салюта, труб, литавр, барабанов и колокольного звона. Это шествие сопровождалось бросанием народу золотых и серебряных коронационных жетонов [17, с. 71–74].

10 7 марта отряд из трех полков прибыл в Москву и в «полном параде» предстал перед императрицей в Кремле, после чего отнес штандарты в анненгофский дворец и расквартировался в Нижних Садовниках. (46, с. 62–63).

11 Посол Э. Финч доносил в Лондон: «...несмотря на обещание мира, русские готовятся к войне» (41, с. 440).

6. Неизвестный художник. *Изображение фейерверка и иллюминации, представленных в высочайший день рождения Императорского Величества, декабря 18, 1741, в Санкт Петербурге. 1760–1770-е* Тушь, кисть, перо. 45,4 × 57,2 Из альбома *Собрание фейерверочных чертежей с 1741 года* ГМИИ им. А. С. Пушкина

7. Неизвестный художник. *Изображение фейерверка и иллюминации, представленных в новый 1742 год в Санкт Петербурге. 1760–1770-е* Тушь, кисть, перо. 45,3 × 55,9 Из альбома *Собрание фейерверочных чертежей с 1741 года* ГМИИ им. А. С. Пушкина

Таким образом, коронационная процессия приобрела характер визуального воплощения единения правителя и подданных: дочь Петра Великого, подобно главнокомандующему, возглавила свою империю и была готова реализовать всю полноту Богом дарованной власти.

Из новых государственных инсигний особое внимание заслуживает государственное знамя (панир). В таком образе и функционировании оно было предъявлено подданным впервые. В западной коронационной традиции государственный штандарт входил в число инсигний и использовался в ряде европейских государств (Франция, Швеция, Австрия), однако был исключительной прерогативой мужских церемониалов, так как несомненно коннотировался с ролью главы государства как главнокомандующего. Изобразительные особенности елизаветинского панира весьма характерны — золотое шелковое поле, черный двуглавый орел под короной со скипетром и державой в лапах,

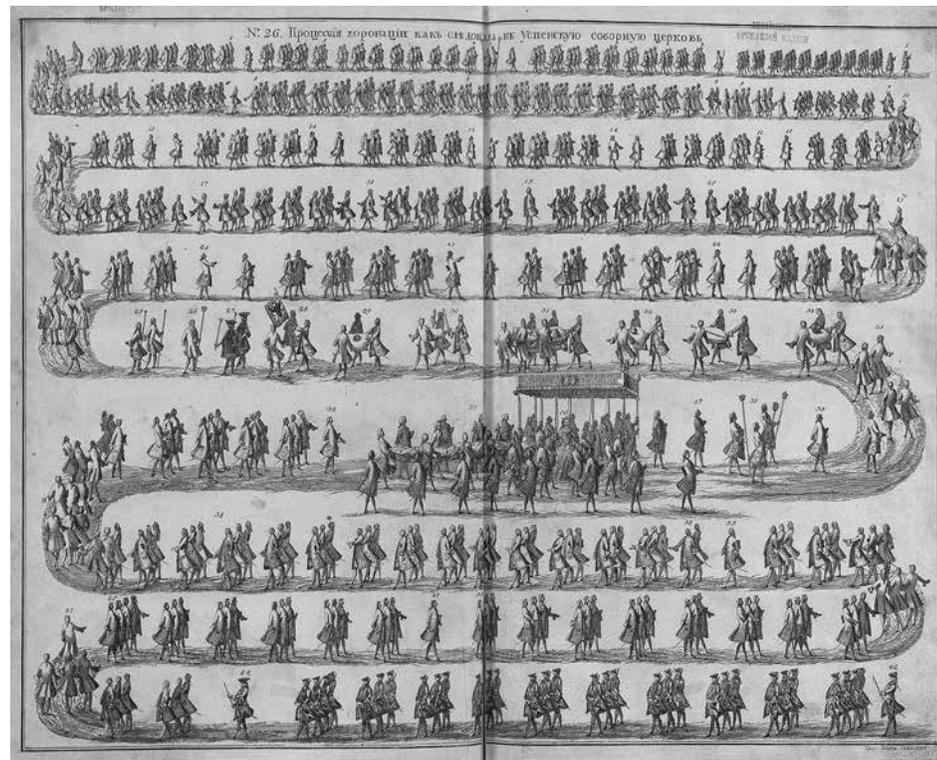
31 овальный щиток «с Государственным и принадлежащими к оному провинциальными гербам» [53, с. 46], расположенными по четырем сторонам квадратного полотнища (146 × 146 см), золотая бахрома по периметру, двусторонний характер изображения¹². Коронационная комиссия, разработавшая проект государственного штандарта¹³, явно ориентировалась на прецеденты петровского правления, так как именно тогда резко возрос интерес к разработке и использованию различных воинских знамен, а также появился штандарт государя¹⁴. (Ил. 9.)

Он был установлен во время триумфального шествия 11 ноября 1703 года «на Красной площади близко новопостроенной комедийной храмины на высоком учрежденном месте выставлено было большое знамя по желтой земле, на котором был Его Государственный герб: около того знамени по обеим сторонам и по всей Красной площади стояли в строю с ружьями новоприборные солдатские полки» [4, с. 374]. Подробнее его рисунок описал Ю. Юль: «Царь <завел> себе большой желтый Русский штандарт, который при всяком торжестве развевается над Петербургской крепостью. На <штандарте> изображены царский черного <цвета> герб и четыре моря, по 1 в каждом углу, в знак того, что <царь> владыка четырех морей: *maris Albi* или Белого моря, что у Архангельска, *maris Caspii* или Персидского моря, что у Астрахани, *maris Nigri* и <иначе?> *Ponti Euxini*, т. е. Черного моря, соединенного с *Paludi mootis*, у истока которого стоит Азов, <и наконец> *maris Baltici* или Балтийского моря, что возле Петербурга» [45, с. 188–189]. В 1720-е годы геральдическими изображениями по личному указанию Петра I занимался граф Ф. Санти. После его опалы, в 1727 году, составили опись сделанных им рисунков, среди которых был «Герб российской империи на александрийском листу с провинциальными гербами всех 33 <...> таков же герб малеван красками на полотне» [51, с. 45]. (Ил. 10.)

¹² В таком виде государственный штандарт просуществовал до 1856 года.

¹³ Распоряжение от 17 апреля 1742 года: «Потребно иметь быть знамя с Государственным и принадлежащими к оному провинциальными гербами. Того ради оного знамени сделать из желтого отласу, а кругом того знамени по обоим сторонам по краям бложить золотым прорезным позументом и золотной бахромой, и к тому употребить золотные верви и масифные лутчей работы кисти <...> а древко к тому знамени сделать резное наилутчею работою и вызолотить...» [22, л. 16]. Согласно архивным документам, созданием этого штандарта занимались помощник Ф. Санти, живописных дел мастер Герольдмейстерской конторы И. В. Чернавский и живописец Оружейной палаты И. Адольский [58, с. 11; 23, л. 787].

¹⁴ Экземпляр этого знамени сохранился в фондах Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого (инв. № 9325).

8. Иван Соколов. Процессия коронации как следовала в Успенскую соборную церковь. Офорт, резец
Иллюстрация из альбома:
Обстоятельное описание торжественных порядков... [17, л. 17]

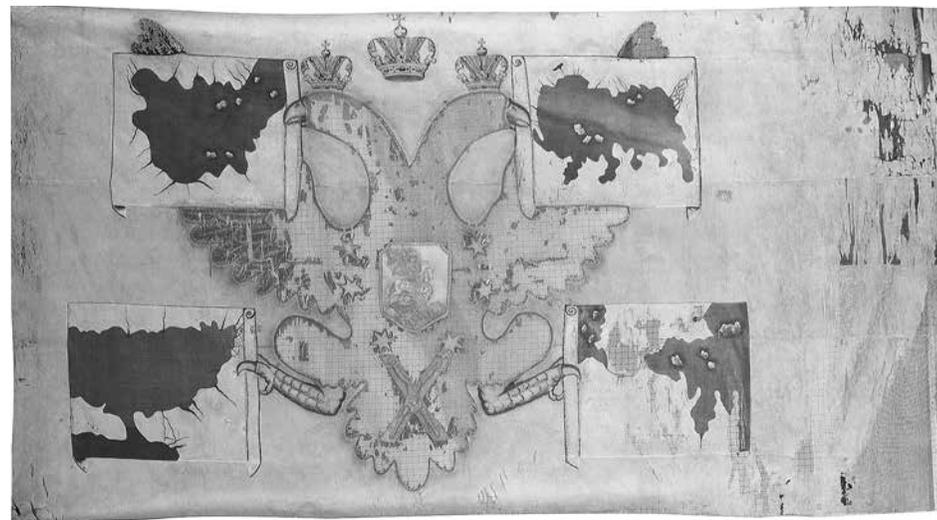
Отдельный интерес представляет коронационный фейерверк, зажженный 3 июня в Анненгофе перед дворцом императрицы. Штелин пишет о многих тысячах зрителей, смотревших его с восхищением [13, с. 297]. Пьедестал с монограммой Елизаветы и императорской короной в его центральной части на первом плане фланкировали два гения: правый в латах и шлеме с государственным мечом и отломленной мраморной колонной символизировал Храбрость, левый — с отвесом и императорским скипетром — являл Правосудие [61, с. 230]. Военная

9. Григорий Качалов. *Панир, или Государственное Знамя*. Офорт, резец. Иллюстрация из альбома: *Обстоятельное описание торжественных порядков...* [17, л. 16]

тема в этом представлении ушла на второй план, а главной стала могучая Российская империя, изображенная «высокой каменистой горою», поросшей кедровыми деревьями с императорской короной на вершине и двуглавым орлом, сидящим в пещере [61, с. 231]. (Ил. 11.)

Военная кампания 1742 года оказалась удачнее предыдущей: в июне — сентябре были завоеваны города Фридрихсгам, Борго, Нейшлот, Гельсингфорс и Або. Москва, благодаря затянувшимся коронационным торжествам, впервые за последние 20 лет, наравне с Петербургом, была использована в роли сценической площадки викториального спектакля. 5 июля, по получении известия о взятии Фридрихсгама¹⁵, здесь стреляли из пушек «расставленных вокруг дворца (Головинского. — А. А.)», а императрица в 10 часов утра посетила благодарственный молебен в кремлевском Успенском соборе, после чего стреляли с кремлевских стен и валов [41, с. 4–5]. Вечером в Головинском дворце демонстрировали трофейные знамена [41, с. 5]. Аналогичное празднование прошло 15 июля в Петербурге [30, с. 480].

10. Штандарт морской императорский. Первая половина XVIII в. Государственный Эрмитаж

Возможно, на волне этих счастливых достижений российской армии, с 25 июля по 5 августа Елизавета Петровна совершила свой первый пеший Троицкий поход [9, с. 1–5]. В Москву в течение августа постоянно приезжали курьеры от генерала Лесси, и объявленные победы отмечали по уже сложившемуся сценарию. Так, 18 августа пришла новость о капитуляции Гельсингфорса¹⁶, «этот успех русских войск возвещен был народу — сообщал английский посол К. Вейч — пушечной пальбой с Кремля» [41, с. 45]. То же повторилось 24 августа, когда стало известно о покорности Финляндии российской короне. 4 сентября известие о полной капитуляции шведской армии императрица отметила посещением Успенского собора и оружейным салютом [41, с. 49, 58].

Викториальные мероприятия одновременно происходили и в Петербурге: 14 сентября здесь было объявлено «о благополучном окончании

15 Фридрихсгам был взят армией генерала П. Лесси 27 июня.

16 Гельсингфорс сдался 11 августа.

11. Иоганн Штенглин. Фейэрверк и иллюминация бывшие при зимнем Ея Императорского Величества доме что на Яузе. Черная манера. Офорт, резец. Иллюстрация из альбома: *Обстоятельное описание торжественных порядков...* [17, л. 45]

военных действий в Финляндии и приведении ее в российское подданство», в Петропавловском соборе отслужили благодарственный молебен, гремел салют с крепостей, а «ввечеру во всем городе зажжены были иллюминации». 16 сентября по Неве прошли галеры с гвардейским detachementом, вернувшимся с войны [31, с. 627].

На фоне этих повторяющихся победных торжеств выдавалось необычное зрелище, представленное 19 сентября в Москва. Сюда доставили «взятые в Финляндии в разныя числа при крепостях Фридрихсгамской,

Нейшлотской, Гельсенфорской и от финских пришедших под высочайшую Ея Императорского Величества державу полков штандартов 16, знамен 40, литавр с шитыми завесами 1 пара, которые <...> несены были ко двору» [32, с. 693] определенным порядком. Это церемониальное шествие из семи групп¹⁷ с трофейными знаменами следовало маршрутом коронационного въезда: «...тем трактом, где Ея Императорское Величество свое имела вшествие в Москву» [32, с. 694]. Во дворце знамена расставили в большом зале «возле стен в нарочно сделанных к этому местам» [32, с. 694].

Знамена противника в руках русских солдат вместе с пленными рядовыми, офицерами и подводами с захваченным оружием были обязательной частью структуры каждого триумфального шествия петровского времени. Трофейные знамена проносили под всеми триумфальными арками, а затем размещали в Преображенском дворце и в специально отведенном для этого зале Оружейной палаты в Кремле. Согласно архивным документам, в Преображенском дворце после полтавского триумфа соорудили специальную «арматуру», а в Оружейной палате хранили знамена, расставив их на скамьях в несколько ярусов [6, с. 15–33]. Так, 11 ноября 1703 года «несли за той ротой Преображенского полку солдаты по три и по четыре человека взятые неприятельские свейские морского их флота 25 знамен и прапоров воинских, в том числе 19 больших и 4 меньших» [4, с. 371]. На следующий год в шествии были: «Морских флаг 14. Прапоров и корнетов, и знамен с 40» [4, с. 489–490].

Пребывание двора в Москве завершилось еще одной, но кратковременной поездкой в Троице-Сергиев монастырь, и 22 декабря императрица торжественно въехала в Петербург по Невской перспективе под двумя новыми триумфальными арками, стоявшими на тех же местах, что и при Анне Иоанновне (Анничковыми и Адмиралтейскими).

С точки зрения развития викториальной драматургии дочь Петра, используя опыт как царя-реформатора, так и своей предшественницы Анны Иоанновны, постаралась найти свое исключительное решение. Пространство военных торжеств расширилось, вернувшись к двум столицам, как это было в начале века, с той лишь разницей, что теперь

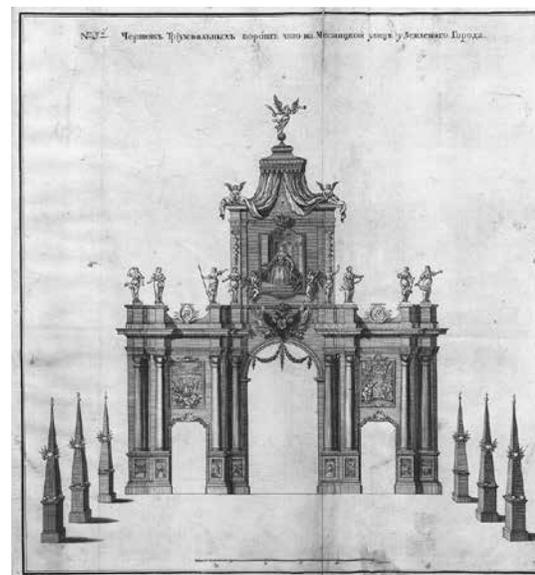
17 1. Майор на лошади; 2. 50 grenader; 3. Рота мушкетеров; 4. Аdjutant генерала П. Лессе Бестужев верхом; 5. Литавры на лошади в сопровождении двух солдат; 6. Штандарты и знамена один за другим несли солдаты без ружей «под рукой древко назад полотнищем вниз»; 7. Рота мушкетеров [32, с. 693–694].

12. Григорий Качалов
Чертеж Триумфальных
ворот что на Тверской улице
Офорт, резец. Иллюстрация
из альбома: Обстоятельное
описание торжественных
порядков... [17, л. 1]

13. Григорий Качалов
Чертеж Триумфальных
ворот в Китай городе
Офорт, резец. Иллюстрация
из альбома: Обстоятельное
описание торжественных
порядков... [17, л. 2]

14. Григорий Качалов. Чертеж
Триумфальных ворот что на Мясницкой
улице. Офорт, резец. Иллюстрация
из альбома: Обстоятельное описание
торжественных порядков... [17, л. 3]

15. Григорий Качалов
Чертеж Триумфальных ворот
при Яузе реке
Офорт, резец. Иллюстрация
из альбома: Обстоятельное
описание торжественных
порядков... [17, л. 4]

празднования происходили в столицах параллельно. Заметно, по сравнению как с петровским, так и аннинским временем, усилился церковный компонент, в силу чего в орбиту торжества наряду с дворцовой церковью и Петропавловским собором попали кремлевский Успенский собор и Троице-Сергиев монастырь, и, наконец, появилось нечто новое — публичное церемониальное шествие с трофеями. Дочь Петра модифицировала военный триумф: теперь он следовал коронационным маршрутом и под коронационными арками, в нем участвовали только избранные военные из эскорта императрицы (а не представители боевых подразделений). Шествие с трофейными знаменами в резиденцию императрицы превратило «торжественный и триумфальный вход» победителей в символическое действие, где главным героем полученной виктории подразумевалась российская императрица Елизавета Петровна. (Ил. 12–15.)

1743 год: РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА — АБОСКИЙ МИР

1743 год принес не только окончание войны, но и серьезное укрепление российского трона, так как объявленный в прошлом году наследником престола племянник императрицы Карл Петр Ульрик герцог Гольштейн-Готторпский перешел в православие и ему подыскивали невесту. Именно принятие Карлом Петером православия, после чего он стал именоваться Петром Федоровичем, не позволило быстро завершить войну, несмотря на начатые в январе в городе Або мирные переговоры [50, с. 227]. Как писал Я. Штелин: «В половине декабря прибыли из Швеции в Москву три депутата от тамошних государственных чинов и привезли великому князю, как наследнику шведского престола, предложение принять корону Швеции. Ранее в Финляндии хотели, чтобы корона

Швеции или Финляндии досталась Петру, и можно было закончить русско-шведскую войну. Но принять шведскую корону было уже поздно после того, как великий князь переменял веру. И потому, вместо него корону Швеции предложили его дяде, епископу Эйтинскому, администратору Голштинии» [44, с. 78].

Кампания этого года должна была проходить не только на суше, но и на море. Переброска армии к берегам Швеции происходила на «галерах и канчebasах»¹⁸, которые «стояли вдоль Невы по обеим сторонам» [34, с. 373]. Империя, в лице жителей Петербурга, вновь увидела давно забытое зрелище. 3 мая суда выстроили «пристойным порядком», частично расположили перед Зимним дворцом, причем галера генерала Лесси была особо украшена флагами и вымпелами. Императрица «своей особою изволила прибыть в Адмиралтейство, а из оною на галеру генерала фельдмаршала графа Лессия» [34, с. 373]. Она подарила генералу крест с мощами и бриллиантовый перстень, присутствовала на молебне в его каюте, после которого гремел пушечный салют. Вечером суда пошли к Кронштадту. Следующая мизансцена этого торжественного начала кампании произошла уже в Кронштадте, куда Елизавета Петровна прибыла из Ораниенбаума 7 мая на шлюпке под государственным штандартом¹⁹. Здесь она проинспектировала корабли, превратив это мероприятие в настоящую церемонию: когда ее шлюпка проходила очередную галеру, на ней спускали флаги и вымпелы, моряки, стоя на вантах, трижды кричали «виват», а солдаты в параде, с музыкой и барабанным боем отдавали честь. При достижении галеры адмирала Н. Ф. Головина, возглавлявшего флот, на всех кораблях распустили флаги и вымпелы, «так что вдруг оба флота оными расцвечены стали» [34, с. 375].

После обеда в Кронштадте императрица, в сопровождении наследника престола, посетила корабль «Санктпетер», на главной мачте которого под залпы салюта был поднят государственный штандарт, и дала устный приказ: «С первым благополучным ветром с помощью всевышняго идти в море». После чего она отбыла под гром салюта и крики «виват» в Петергоф [34, с. 376].

18 Как писал один из участников: «С приближением Мая, я должен был готовиться сесть на весельный канчebas. На нем были груз муки, 50 лошадей и орудия. При каждой галере под командой офицера состояло 2 канчebasа» [20, с. 498–499].

19 Хождение на шлюпке под государственным штандартом постоянно практиковал Петр I, штандарт поднимали на Петропавловской крепости и на кораблях. 12 августа 1723 года ботик Петра I прошествовал по Неве под этим штандартом.

Корабли покинули Кронштадт 8 и 9 мая. Удачные действия русской армии ускорили переговоры о мире, 15 июня были достигнуты договоренности, 1 августа подписан мирный договор (так называемые прелиминарии), а 27 августа в Або его ратифицировали [50, с. 241–242]. Как писал очевидец, уже 1 августа начались торжества в Або: «Ген.-аншеф Румянцов, первый уполномоченный (ministre) на происходившем там конгрессе, ради большей торжественности, удержал меня 5 дней с 8 канчebasами, бывшими под моей командой. Рассвеченные флагами, мы выстроились в линию по реке, насупротив жилища его сиятельства и, в день обмена прелиминарных статей мирного договора, приказано было мне произвести 101 салютационный выстрел из орудий и дать 3 ружейных залпа. Во время банкета, данного главноуполномоченным Шведским посланникам и знатным лицам города, при заздравных тостах, происходила также пальба на канчebasах. По невозможности дать бал, за неимением дам, происходила на вечере крупная карточная игра на нескольких столах» [20, с. 499–500].

Английский посол предполагал в июне, что празднование в Петербурге приурочат ко дню апостолов Петра и Павла (29 июня) и тезоименитству Петра Федоровича [41, с. 364, 368]. Однако известие было получено только 2 августа вечером, и 3 августа императрица Елизавета Петровна дословно повторила сценарий первого дня празднования Белградского мира 14 февраля 1740 года [15, с. 349].

О мире утром возвестили «пушечной пальбой вокруг дворца». В 10 часов императрица, в сопровождении наследника, прибыла на благодарственный молебен в церковь Рождества Богоматери на Невской перспективе. Путь от Летнего дворца до церкви был оформлен стоящими в параде гвардейцами. По завершении богослужения прозвучал троекратный салют с Петербургской и Адмиралтейской крепостей, а стоящие перед церковью гвардейские полки стреляли беглым огнем [25, л. 77–78 об.; 41, с. 369].

После 12 часов по городу ездил генерал-майор И. Гамф с большой лавровой ветвью в руках во главе команды конной гвардии с литаврами и трубами. Рейтары держали в руках белые знамена с зелеными лавровыми венками. Все участники имели тафтяные белые перевязи. Они «выехали перед полки и при литавреном бою и игрании на трубах о благополучном мире, объявление читано было» секретарем Сената Замятиным, у которого «белую тафтою чрез плечо перевязано было» [25, л. 251]²⁰. Эта церемония повторилась 5 августа в Ивангороде,

а 8-го — в Дерпте, 11-го — в Риге. Причем города и даже дороги вечером были иллюминированы [35, с. 545–547]. В Петербурге приближенные поздравляли императрицу во дворце, а вечером на Неве зажгли иллюминацию.

Первый городской викториальный праздник по ратификации мирного договора произошел в Або 27–28 августа. О мире сообщали под звуки труб, литавр и грохот салюта. На главной площади устроили угощение для горожан: огромную пирамиду из булок и гигантский стол с жареным быком, рога которого позолотили, а самого фаршировали утками с золотыми клювами. Вечером город был иллюминирован, а отдельные дома украшены аллегорическими картинами [50, с. 243].

Главное торжество в столице — «высокоторжественный день вечного замирения» — было назначено на четверг 15 сентября. Императрица с наследником опять посетила церковь Рождества Богоматери на Невской перспективе. Путь до церкви и площадь вблизи нее оформляли полки, здесь же стояли пушки и литавры. На Неве галеры и канчеласы выстроились в три колонны с цветными флагами и вымпелами на реях [24, л. 87–89]. В церкви после литургии зачитали мирный договор, и епископ Стефан сказал проповедь, в которой назвал императрицу «новой Юдифью» [50, с. 245]. В это время полки, стоявшие на Невской перспективе, стреляли беглым огнем, а пушки на крепостях и на галерах салютовали. Гремела военная музыка. На Петропавловской крепости подняли, как это было при Петре I, государственный штандарт. Отслужив благодарственный молебен, объявили, что главное торжество «в царствующем граде Москве отправляться будет» [24, л. 87], и салют повторился. При выходе императорских особ приветствовали криками «виват». Первый акт торжественного викториального спектакля длился 4 часа (с 11 до 15 часов) и был публичным [10, с. 11–12]. Только вечером (с 18 до 23 часов), началась кулуарная часть праздника в Большой галерее Зимнего дворца, где прошел бал, и на 100 пар стоял, «зело пребогатой на подобие портера и преизрядно семью фонтанными и разными аранжерейными деревьями и цветами, со множеством свеч и хрустальных малых из белого воску горящих лампад, стол» [25, л. 91].

20 Английский посланник описал это зрелище так: «...по городу ездил отряд конной гвардии с белыми значками. В правой руке каждый гвардеец, вместо меча, имел оливковую ветвь; офицер же, бывший во главе отряда, исполняя роль герольда, провозглашал о мире в разных частях Петербурга» [41, с. 369].

Праздник продолжался три дня (15, 16, 18 сентября), исключительно в придворном кулуарном формате, перемещаясь из одного дворца в другой (Зимний и Летний). Горожанам о торжестве напоминал постоянный колокольный звон и 18 сентября «на приуготовленных судах зажжен был преизрядной фейерверк, при котором как верховых, так и водяных ракет, лусткугелей и других огненных машин множественное число зажжено было» [25, л. 92]²¹. (Ил. 16.) На платформе, установленной на Неве, загорелся огромный декоративный шит, представляя торжество мира: голубь с масличной ветвью объединял воюющие державы — орла (Россию) и льва (Швецию). На оси композиции дважды возникала монограмма императрицы (под верхней располагалась надпись «желанная приходит») и образ двуглавого орла, изливающего воду из клювов [61, с. 232]. В воде перед платформой «резвились» нерейды и плавали лебеди и утки, по сторонам били фонтаны, а на заднем плане, с еще одной платформы, запускали разные ракеты.

Штелин отметил, что для этого фейерверка, по желанию Елизаветы Петровны, он впервые использовал «фигуры, движущиеся в огне посредством машинной тяги» [13, с. 302]. Фейерверочные постановки такого типа с движущимся на суше и в воде элементами были популярны в петровское время. Уже в первом викториальном фейерверке в Красном Селе орел метал горящие стрелы в полумесяц, а Нептун перемещался по воде в своей колеснице [47, с. 75]. Мобильные фигуры использовали в фейерверках 1704²², 1710²³, 1717²⁴, 1721²⁵, 1724²⁶ годов. Особо выделялись огненные представления, устроенные в честь Ништадтского мира: в 1721 году в Петербурге к храму Януса подлетал орел, а его двери затворяли «две особы, первая в знак императора Петра Великого, другая в знак Короля Шведского» [61, с. 194], тогда как в Москве, в 1722 году, храм Януса закрывали фигуры двух рыцарей [61, с. 195].

21 На гравюре указано 15 сентября, так как она, как обычно, была изготовлена заранее. Эта дата повторяется у всех исследователей фейерверочных гравюр [61, с. 232; 64, с. 27], но отсутствует в архивных документах, и в Камер-фурьерском журнале за 1743 год.

22 Фейерверк 1 января 1704 года был посвящен взятию Нотебурга в 1703 году и устроен в Москве на Царицыном лугу.

23 Фейерверк 1 января 1710 года был посвящен Полтавской победе 1709 года и устроен в Москве на Царицыном лугу.

24 Фейерверк 27 июня 1717 года был посвящен воспоминанию о Полтавском сражении и устроен в Спа.

25 Фейерверк 9 декабря 1721 года по случаю Ништадтского мира был зажжен в Амстердаме.

26 Фейерверк 7 мая 1724 года по случаю коронации Екатерины I был зажжен на Царицыном лугу в Москве.

За прошедшие после ухода Петра 20 лет навыки театрализованных фейерверочных спектаклей были потеряны, нет свидетельств устройства подобных пиротехнических зрелищ в правление Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны. Штелину пришлось делать специальную модель, чтобы показать «все устройство и легкое приведение в движение» и доказать возможность таких постановок [13, с. 302].

Посетивший это торжество английский посол К. Вейч отметил: «... все, что происходит здесь, составляет, однако, только первую часть празднеств по поводу мира. Вторая, лучшая часть их, предстоит в Москве. Там же объявлены будут производства, розданы награды, объявлена будет амнистия» [41, с. 411].

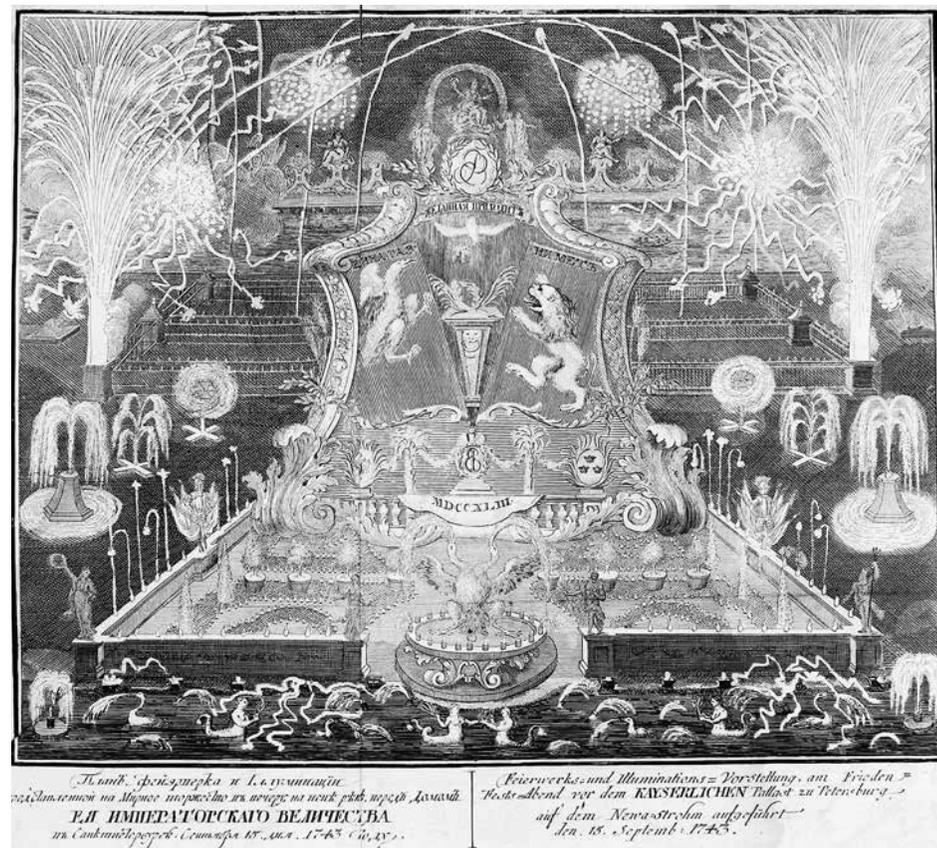
Первый акт мирного торжества, как и другие, предшествовавшие ему праздничные и церемониальные мероприятия, показали, что Елизавета очень выборочно отнеслась к сложившейся викториальной традиции. С одной стороны, она явно стремилась восстановить память о временах своего отца (церемонии на воде, празднования в городах военных действий, двухактное торжество в Петербурге и Москве, возвращение к театрализованному фейерверку). С другой — полностью сохранила церемонии аннинского времени, с посещением церкви Рождества Богородицы на Невской перспективе и роскошным банкетом. К этому добавился зрелищный ритуал оповещения горожан, впервые в таком виде появившийся в коронации Елизаветы Петровны²⁷.

1744 год: АБОСКИЙ МИР — МОСКОВСКАЯ ВЕРСИЯ

Новая поездка в Москву планировалась в декабре 1743 года, но из-за болезни Петра Федоровича осуществилась она только в конце января 1744 года. Этот год можно назвать переломным в истории правления дочери Петра. Императрица смогла показать своим подданным и европейским коронованным особам, что заявленная в первом Манифесте [3] цель преодоления внешних и внутренних беспокойств и беспорядков, которые могли бы привести к разорению государства, достигнута. Война

²⁷ Во время празднования Белградского мира 14 февраля 1740 года также произведено было объявление о мире «через герольдов в церемониальном платье с трубами и литаврами под предводительством конного деташемента», однако нет свидетельств о специальном убранстве участников [24, л. 2–3 об.].

²⁸ Она прибыла в Москву 9 февраля 1744 года накануне дня рождения своего будущего супруга.

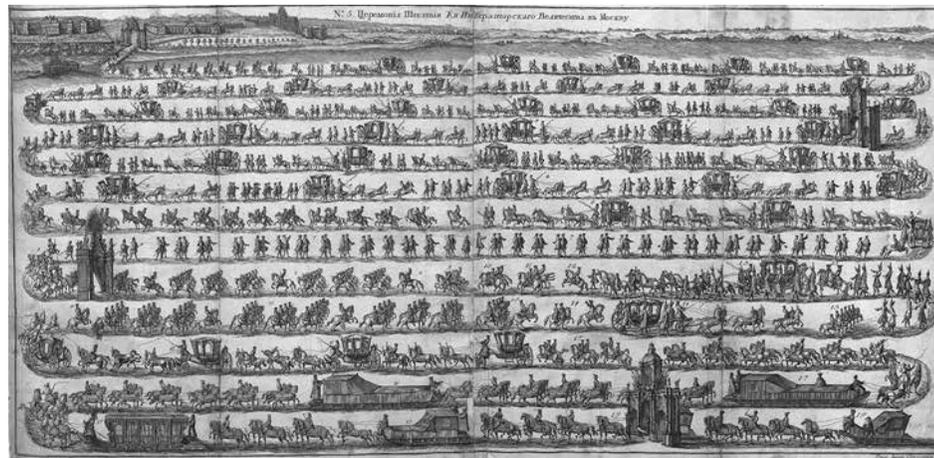
16. Григорий Качалов, Алексей Греков, Еким Внуков, Федор Иванов
План фейэрверка и иллюминации,
представленной на Мирное торжество...
в Петербурге. 1743. Офорт, резец
Государственный Эрмитаж

удачно закончилась, а империя получила легитимную возможность передачи власти, так как наследнику престола была найдена невеста в лице его троюродной сестры герцогини Софии Фредерики Августы Ангальт-Цербстской²⁸.

Елизавета Петровна торжественно въехала в Москву 24 января в понедельник и, одновременно, праздник Поклонения честным веригам

святого и всехвального апостола Петра. Маршрут и оформление (четыре приведенные в порядок триумфальные арки) [24, л. 56–57] были прежними, как и 28 февраля 1742 года. По сигналу из 11 пушек перед триумфальной аркой в Земляном городе выстроились полки под командой боевого генерала П. Лесси, «и построясь от самого поля становились лейбгвардии преображенский полк от поля подле ево вверх к городу семеновской и измайловской полки, а подле ж измайловского старшей из армейских и тако далее по той улице примыкая полк к полку молодшие наперед к триумфальным воротам по обе стороны, во знак же торжественного вечного мира заключения обретающейся при тех полках генералитет и штап афицеры имели на шляпах зеленые лавровые, а у обер и ундер афицеров и рядовых на шляпах были еловые ветви» [24, л. 58 об.]. «Церемониальный марш» двигался следующим порядком: впереди шла рота конной гвардии со штандартом и трубачами, далее полки с мушкетами под предводительством генерала Лесси, пехота лейбгвардии, императорская конюшня, кареты с придворными и высшими сановниками, гренадерские сержанты верхом, пешие скороходы, лакеи и пажи, литавры и трубачи, камер-юнкеры и камергеры. Затем следовала императрица в императорской карете, запряженной восьмеркой лошадей, за ней — кавалергарды с обнаженными палашами и лаврами на шляпах. Замыкала шествие рота конной гвардии. Около каждых ворот кортеж приветствовали пушечным салютом, у дворца на Яузе вдоль пути стояли полки и били в барабаны [24, л. 59–60 об.]. Торжественный въезд длился четыре с половиной часа [11, с. 6] при стечении большого количества людей на улицах. Вечером «зажжены были по всей Москве при всех домех нарочно для того изготовленные иллюминации» [24, л. 61 об.].

Анализ этого шествия позволяет говорить о совмещении двух сценнографических схем: коронационной и триумфальной. Траектория, триумфальные арки, встречи и пушечный салют восходят к коронационному сюжету. (Ил. 8.) Состав шествия, изобилие военных, конная гвардия со своими знаменами в начале, армейские полки с боевым генералом П. Лесси свидетельствуют о стремлении привнести в церемонию событийную конкретику. Это не просто очередное посещение государыней стольного града, а визит, обусловленный главным событием в жизни страны — окончательной победой над Шведским королевством и восстановлением исторической справедливости, произошедшей благодаря правлению императрицы Елизаветы Петровны. Можно утверждать, что этот торжественный въезд правительницы впервые

17. Иван Соколов. *Церемония шествия Ея Императорскаяго Величества в Москву*. Офорт, резец
Иллюстрация из альбома:
Обстоятельное описание торжественных порядков... [17, л. 5]

полностью заменил собой триумфальное шествие войск петровского времени. (Ил. 17.)

Во время Великого поста императрица провела часть Страстной недели в Кремле, трижды посещала Троице-Сергиев (13–26 февраля²⁹, 27 мая — 12 июня, 19–20 июля) и один раз Николо-Угрешский монастыри (19–20 июня) [11, с. 18–23; 36, с. 356; 37, с. 390]. И в промежутке между молениями в Москве прошло три главных мероприятия этого царского визита: обращение в православие невесты наследника престола (28 июня в придворной церкви Головинского дворца) [38, с. 437–438; 8, с. 49–50], обручение Екатерины Алексеевны и Петра Федоровича (29 июня в кремлевском Успенском соборе), мирное торжество (15 июля «праздновано здесь в Кремле мирное торжество с чрезвычайным великолепием» [39, с. 471]).

29 В эту поездку Елизавета Петровна отправилась во всех своих орденах: в андреевской ленте через плечо, с орденом Св. Александра Невского на шее, орденом Св. Екатерины на груди [8, с. 41].

Обращение в православие герцогини Софии Фредерики Августы Ангальт-Цербстской, после чего она стала именоваться Екатериной Алексеевной, было приобщено к тезоименитству Петра Федоровича. Празднование дня Святых славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла (Петров день, 29 июня) вновь после петровских времен зазвучало как важное публичное событие, на сей раз представленное в пространстве древнего Кремля.

В кремлевскую резиденцию будущие супруги отправились поздно вечером 28 июня, а Елизавета Петровна — ночью 29 июня. Это передвижение по городу не носило церемониального характера. Утром состоялось шествие императорских особ в Успенский собор, где перед литургией совершился обряд обручения «Его Императорского Высочества с Ея Светлостью принцессою Екатериною Алексеевною» [11, с. 58–60]. После службы процессия вернулась по Красному крыльцу во дворец, и в Грановитой палате был дан обед, на котором императрица, наследник и его невеста сидели за одним столом на троне под балдахином. Вечером здесь же прошел бал, и весь Кремль был иллюминирован [11, с. 61–67].

Празднование мира первоначально планировалось через неделю, с 8 по 12 июля, но затем было перенесено на 15–18 июля. Возможно, тому причиной был приходившийся на этот день церковный праздник — воспоминание о великом князе Владимире, крестителе Руси³⁰.

Накануне торжества императрица, поздно вечером, переехала в Кремль. В церемониале обсуждалось два варианта шествия: инкогнито или с публичным кортежем. Принят был первый вариант³¹.

Утром началась первая «мизансцена» викториального спектакля: «...все находящиеся в Москве полки, конные и пехотные, поставились в парад, в Кремле и в других ближних местах, примкнув гвардию к императорскому дворцу, а с Красного крыльца и до собора стояла лейб-компания» [11, с. 69]. Знатные персоны собрались в Успенском соборе, и в два часа дня Елизавета Петровна, наследник престола Петр Федорович и его невеста Екатерина Алексеевна под «богатым балдахином» про-

30 Проект церемониала разрабатывал граф Ф. Санти [25, л. 96].

31 В случае кортежа он должен был состоять из конной гвардии с палашами, литаврами и штандартами; церемониймейстера в открытой коляске, дворцовых конюхов верхом, гренадеров, фурыеров, скороходов, лакеев, дворцовых карет с фрейлинами и камергерами, литаврами и трубами. Цесаревич с невестой, как и императрица, ехали в каретах (Елизавета была в императорской одежде). Арапы, гайдуки, лейб-компания с палашами и конная гвардия заключали шествие [25, л. 96–98 об.].

шеествовали туда на благодарственный молебен по помосту, покрытому красным сукном, в коридоре, образованном кавалергардами в зеленых мундирах и красных камзолах. Во время молебна гремел салют и играла полковая музыка. По выходе из собора «командующий генералитет с штаб-офицеры и рядовые, подняв шляпы и махаячи оными, трижды кричали: виват» [11, с. 70]³².

Далее, вернувшись в Грановитую палату, императрица села на трон под балдахином, и к ней церемониально подошли «четыре фельдмаршала по старшинству, репрезентующие воинские и статские имперские чины» [11, с. 74]: П. П. Лесси, В. В. Долгорукий, И. Ю. Трубецкой, принц Л. В. Гессен-Гомбургский. Из них только Лесси был активным участником закончившейся войны. Вице-канцлер М. И. Воронцов зачитал поздравительную речь, на которую императрица лично ответила, после чего последовали награждения и раздача памятных медалей.

В этот день был подписан указ, опубликованный и публично зачитанный подданным на следующий день, 16 июля, в котором Елизавета Петровна, подобно богине мира Ирине, «изливала» из рога изобилия на свой народ многочисленные благодеяния [16].

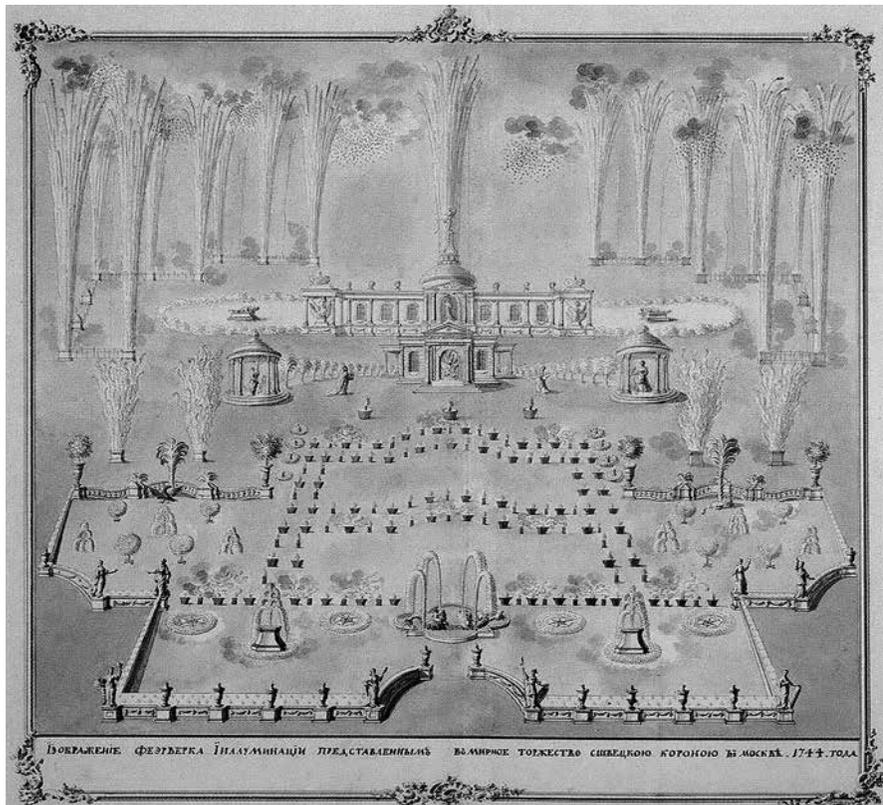
Вечером состоялось шествие «публичным кортежем» из 21 группы по привычному коронационному маршруту (Никольской, Мясницкой, Новой Басманной и Большой Немецкой улицам) под тремя триумфальными арками (Синодальной, Мясницкой и Яузской). Путь посыпали песком, дома украсили коврами [25, л. 132 об.]. Состав кортежа полностью совпадал с тем, что был предложен для официального переезда 28 июня.

Стоит обратить внимание на то, что среди участников шествия так и не появились представители армии, завоевавшие победу: среди особых персон на 10-м месте ехали в карете генерал-фельдмаршал принц Гессен-Гомбургский³³ и обер-гофмейстер А. Г. Разумовский³⁴, на 16-м и 17-м наследник и его невеста, на 19-м — российская императрица [11, с. 76–80]. При подъезде к Анненгофу «всемилодливейшая Государыня со всем своим кортежем изволила итить в триумфальные ворота по мостовой аллее к обыкновенному крыльцу» под залпы салюта

32 Согласно церемониалу, солдаты должны были кричать: «Виват непобедимая императрица Елисавет наша мать отечества» [25, л. 101 об.].

33 Людвиг Вильгельм Гессен-Гомбургский за преданность Елизавете Петровне был пожалован в капитан-поручики лейб-компания [54, с. 4].

34 Алексей Григорьевич Разумовский, фаворит императрицы, был пожалован в подполковники лейб-гвардии Конного полка, капитан-поручики лейб-компания [54, с. 4].

18. Неизвестный художник. Изображение фейерверка и иллюминации представленным в Мирное торжество с шведской короной в Москве 1744 года. 1760–1770-е
Тушь, кисть, перо. 46,8 × 55,8
Из альбома: Собрание фейерверочных чертежей с 1741 года
ГМИИ им. А. С. Пушкина

из 101 пушки [25, л. 141]. В этот день, как и во все последующие, Москва была иллюминирована.

16 июля, второй и третьей «мизансценой» было кормление народа у Головинского дворца и фейерверк. Перед дворцом стояли винные фонтаны и жареные быки. Придворные смотрели народный праздник

из дворца, а по его окончании прошел поздний ужин и был зажжен великолепный фейерверк. (Ил. 18.)

Автор фейерверка Я. Штелин не без гордости отмечал, что это был «значительно больший фейерверк по новому изобретению с подвижными фигурами» [13, с. 303]. Действительно, по сравнению с петербургским одноактным викториальным представлением, в Москве на Язуе «пред домом Ея императорского Величества» разыграли зрелищную трехактную постановку. План фейерверка состоял из трех частей: впереди располагался «пространный сад», обрамленный оградой со скульптурными изображениями «Военного Искусства и Храбрости, Победы и Приращения, Осторожности и Будущаго Времени, Согласия и Благополучия», в котором били огненные фонтаны; посредине — партер, где, вместо растений, взлетали земляные ракеты; план заключал амфитеатр с храмом Януса в центре, двумя павильонами по сторонам и пальмовыми аллеями.

Здесь разыгрывалось первое действие спектакля. «Отворенный» храм, наполненный трофеями, закрывали «от обеих павильонов два один другому на встречу идущее воина», представлявшие Россию и Швецию. Они подавали друг другу руки, в это время «затворялись» двери храма, а на его карнизе загоралась надпись: «Императрица Елизавета Петровна, Янусов храм заключила». Одновременно находящиеся в павильонах фигуры «преславной Победы» и богини Ирене (Мира) склонялись в поклоне.

Второе действие начиналось, когда сгорал щит с храмом Януса. Над парапетами, обрамлявшими партер, где «стояли» горшки с масличными и пальмовыми деревьями, взлетали белые голуби и опускались на пальмы, под которыми «с правой стороны стоит Орел, а с левой лежит Лев».

Третьим действием было явление храма Мира в виде иллюминации, «закрывающей горизонт» на заднем плане фейерверочной сцены. На его куполе стояла фигура Благополучия с рогом изобилия, а внутри — фигура Мира с кадуцеем. «...построен сей Храм Мира таким образом, что он вход свой чрез вышеписанный храм Войны имеет, для показания того, что мир обыкновенно войною получается»³⁵.

³⁵ Подробное описание этого фейерверка, составленное Я. Штелиным, приведено Д. А. Ровинским [61, с. 232–235].

Четвертая и пятая «мизансцены» московского мирного торжества — представление оперы «Селевк» (17 июля) и бал-маскарад (18 июля).

Так завершилось празднование Абоского мира, первой военной победы, достигнутой новой российской императрицей Елизаветой Петровной.

Московская часть торжества получила расширенный политический сценарий, объединивший мирное торжество с обручением наследника престола. Императрица, с одной стороны, сознательно возвратилась к триумфальным традициям эпохи правления Петра I (протяженность во времени празднования, проведение праздника в Москве и Петербурге, повторение сцены с движущимися фигурами, закрывающими храм Януса в фейерверке), с другой — перестроила фабулу праздника таким образом, чтобы новыми средствами подчеркнуть исключительную роль правительницы в происходящих в стране событиях. Если Петр I всегда был непосредственным участником праздничного мероприятия, а также вовлекал в него свое ближайшее окружение, то его дочь, используя церемониал и аллегорико-символический инструментарий, определила необходимую для абсолютистской власти дистанцию между собой и подданными.

Феномен «репрезентативной публичности», формирование которого было начато в петровское время, в течение 1730–1740-х годов претерпел заметное изменение, что наиболее явственно продемонстрировала сфера викариальных праздников. Приход к власти женщин: Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, усугубил наметившиеся изменения, так как потребовал перестройки военного триумфа с учетом феминного фактора. Эпоха Петра была переходной и потому допускала такие нестандартные решения, как многовариантность ролей правящей особы, карнавальные и травестийные сценические решения. Утвердившаяся российская власть западного образца уже не нуждалась в этих приемах. Императрицы не играли разных ролей, а переодевание в мужское платье вовсе не предполагало гендерного перехода. Это воспринималось, скорее, как расширение семантического поля правительницы. Важный шаг на пути выстраивания барочной модели «репрезентативной публичности» сделала императрица Анна Иоанновна, четко обозначив существенное значение пространственных

фокусов пребывания власти. Именно в 1730-е годы центром империи не только навсегда стал Санкт-Петербург, но именно дворец — место пребывания государыни.

Елизавета Петровна это строительство завершила, определив максимальную дистанцию между собой и подданными, а также соединив достижения предшественницы с традициями великого отца. Публичность власти полностью замкнулась в церемониале, что существенно усилило значение главного государственного ритуала — коронации, как источника сценических решений. Именно это продемонстрировали викариальные торжества, устроенные в честь Абоского мира. Триумфальная атрибутика начала века (триумфальные арки; триумфальные шествия армии; победные пиры; активное участие армии во всех празднествах; артикуляция события, а не правителя, в фейерверках), как и городской маскарад, в елизаветинское правление окончательно исчезли из военных праздников. Их заменила символическая система, подразумевающая постоянное метафизическое присутствие императрицы в каждом политическом событии страны. Дочери Петра Великого не надо было шествовать во главе войска, дружески сидеть за одним столом с солдатами и матросами, расхаживать по улицам в маскарадном платье. В сконструированном в первой половине XVIII века пространстве светской власти она пребывала на Олимпе (эту роль выполняли дворцы), куда вели особые дороги (зафиксированные маршруты передвижения по городу). Теперь императрица, меняя мифологические роли, могла «закрывать» на глазах империи двери храма Януса и «низвергать» на ее граждан благоденствие и благополучие из рога изобилия, о чем свидетельствовали аллегорические картины триумфальных арок и фейерверков, слова од и проповедей, сюжеты театральных постановок.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. [Бассевич Г. Ф., фон.] Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича (пер. П. И. Бартева) // Юность державы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000.
2. [Берхгольц Ф.-В.] Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца (пер. И. Ф. Аммона). 1721–1725. Ч. 2 // Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000.

3. Высочайший Манифест о вступлении на Всероссийский Престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, и об учинении присяги. СПб.: Печатан при Сенате, 1741.
4. Гюйссен Г. (Гизен). Журнал государя Петра I с 1695 по 1709. Половина 1 // Туманский Ф. О. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великаго. СПб.: Печ. у Шнора, 1787.
5. Дневник, веденный секретарем принца Людвига Эрнста (1741 г. мая 27 — 1721 г. марта 3 н. ст.) // Левин Л. И. Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (История «Брауншвейгского семейства» в России). СПб.: Блиц, 2000.
6. Документы РГАДА о трофеях, взятых у шведов после Полтавской виктории 27 июня 1709 г. // Исторический архив. 2009. № 3.
7. Е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице Анне Иоанновне, самодержице всероссийской, поздравительные оды в первый день нового года 1740, от кадетского корпуса сочиненные чрез Александра Сумарокова // Сумароков А. П. Избранные произведения/Вступ. ст., подг. текста и прим. П. Н. Беркова. Л.: Советский писатель, 1957.
8. [Екатерина II.] Записки императрицы Екатерины Второй. СПб.: Издание А. С. Суворова., 1907.
9. Камер-фурьерский журнал. 1742. Журнал Троицкого похода, 1742. Б. м., б. г.
10. Камер-фурьерский журнал. 1743 год. Б. м., б. г.
11. Камер-фурьерский журнал. 1744 год. Б. м., б. г.
12. [Ломоносов М. В.] Первые трофеи Иоанна III, чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 года в Финляндии // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986.
13. [Малиновский К.] Записки и письма Якоба Штелина. СПб.: Крига, 2015. Т. 1.
14. Манифест. О короновании Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны // ПСЗ-1. Т. 7. № 4366.
15. [Нащокин В. А.] Из «Записок... В. А. Нащокина» // Вслед подвигам Петровым.../Сост. Г. И. Герасимова. М.: Молодая Гвардия, 1988.
16. Об оказании разных высочайших милостей народу, по случаю благополучно оконченной войны со шведами. Печатан в Москве, при Сенате. 16 июля 1744.
17. обстоятельное описание Торжественных Порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшаго короно-

- вания Ея Августейшаго Императорскаго Величества Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисавет Петровны Самодержицы Всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб.: печатана при Императорской Академии наук, 1744.
18. Ода е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской в 25 день ноября 1743 // Сумароков А. П. Избранные произведения / Вступ. ст., подг. текста и прим. П. Н. Беркова. Л.: Советский писатель, 1957.
 19. Походный журнал 1709 года. СПб., 1854.
 20. Превратности судьбы с подробным повествованием о весьма необыкновенных обстоятельствах, приключившихся с одним Польским дворянином, находившимся в продолжении 45 лет на Русской службе и описанных им самим в 82-х летнем возрасте/Пер. А. А. Чумикова // Русский архив. М.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1898. № 4. С. 497–526.
 21. ПСЗ-1. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1830. Т. 11. № 8491.
 22. РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1515.
 23. РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 1.
 24. РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 246.
 25. РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 251.
 26. Санкт-Петербургские ведомости. 1741. № 69.
 27. Санкт-Петербургские ведомости. 1742. № 16.
 28. Санкт-Петербургские ведомости. 1742. № 20.
 29. Санкт-Петербургские ведомости. 1742. № 29.
 30. Санкт-Петербургские ведомости. 1742. № 60.
 31. Санкт-Петербургские ведомости. 1742. № 78.
 32. Санкт-Петербургские ведомости. 1742. № 85.
 33. Санкт-Петербургские ведомости. 1742. № 85.
 34. Санкт-Петербургские ведомости. 1743. № 45. Прибавление.
 35. Санкт-Петербургские ведомости. 1743. № 66.
 36. Санкт-Петербургские ведомости. 1744. № 45.
 37. Санкт-Петербургские ведомости. 1744. № 49.
 38. Санкт-Петербургские ведомости. 1744. № 55.
 39. Санкт-Петербургские ведомости. 1744. № 59.
 40. Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1898. Т. 91.

41. Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1898. Т. 99.
42. Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1898. Т. 101.
43. [Шаховской Я. П.] Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. СПб.: Тип. Ивана Глазунова, 1821. Ч. 1.
44. Штелли Я. Я. Записки о Петре Третьем, Императоре Всероссийском // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1866. Октябрь-Декабрь. М., 1866. Кн. четвертая.
45. [Юль Ю.] Записки Юста Юля датского посланника при Петре Великом (1709–1711)/Извлек из Копенгагенского гос. арх., [снабдил предисл.] и пер. с дат. Ю. Н. Щербачев; примеч. заимствованы у Г. Л. Грове. М.: Унив. тип., 1899 (обл. 1900).

Литература

46. Анненков И. В. История Лейб-гвардии Конного полка 1731–1848. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1849. Ч. I.
47. Аронова А. Азовский триумф 1696 года как первое государственное торжество Петра I. К вопросу о сложении сценографии публичного праздника Нового времени // Искусствознание. 2006. 2/06. С. 61–83.
48. Аронова А. Триумф Минервы: военные праздники в России. 1730–1770-е гг. // Искусствознание. 2018. № 4. С. 170–209.
49. [Батовский З.] Архитектор Растрелли в своих творениях./Сост. Ю. М. Денисов. СПб.: Студия Александра Зимины, 2000.
50. Бородкин М. М. История Финляндии. Время Елизаветы Петровны. СПб.: Гос. тип., 1910.
51. Вилинбахов Г. В. Государственный герб России: 500 лет. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1997.
52. Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М.: Унив. тип., у В. Окорокова, 1791. Т. 6.
53. Голованова М. П. «Потребно иметь быть знамя» (к истории государственного знамени 1742 года) // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Вторая международная научная конференция, 24–26 июня 2009 года. Тезисы докладов. М., 2009.

54. Елисаветинские лейб-камpanцы // Русский архив. М.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1880. Кн. 2. С. 7–149.
55. Зелов Д. Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII — первой половины XVIII века: История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М.: УРСС, 2002.
56. Цицер Э. Царство Преображения. Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
57. Козинцев А. Г. Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2007.
58. Лукомский В. К. О геральдическом искусстве в России. СПб.: Типография «Сириус», 1911.
59. Малиновский К. В. Бартоломео и Франческо Растрелли. СПб.: Левша, 2017.
60. Михайлов Г. В. Зимние дворцы Петра I: архитектура и художественное убранство, события и люди. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002.
61. Ровинский Д. А. Обозрение иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций. [СПб.:] Изд-е А. С. Суворина, 1903.
62. Тюхменев Е. А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века: проблемы панегирического направления. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
63. Устрялов Н. Г. История Петра Великого. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1863. Т. IV. Ч. I.
64. Фейерверки и иллюминации в графике XVIII века. Каталог выставки/Автор вступ. ст. и сост. М. А. Алексеева. Л.: РГМ, 1978.
65. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge (MA): The MIT Press, 1991.